

К

нязь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, будущий монах Аникита, родился в 1783 году в деревне Дерново Вяземского уезда Смоленской губернии в небогатой многодетной дворянской семье, принадлежавшей к старинному знатному роду, имевшему татарские корни. Семья отличалась редким для того времени православным благочестием. Сергей получил превосходное домашнее образование и свободно владел пятью языками: французским, немецким, английским, латинским и греческим. Изучению последнего он придавал особое значение, говоря хорошо знавшему его философу и богослову А.С. Стурдзе: «Я вздумал учиться Греческому языку, чтобы в подлинниках читать Омира (Гомера. — А.М.), Софокла и Феокрита; теперь этот язык, вкупе изящный и священный, питает меня творениями Златоуста, Григория и Василия».

Содержательной стороной его внутренней жизни были глубокая вера и занятия литературой. Вот как писал об этом тот же Стурдза: «Любовь к наукам согласовалась в нем с жаждою высшей, божественной науки. Истины полезные умел он подчинить истине спасительной. Пиитическое воображение, коим одарила его природа, окриляло ум и сердце его, стремившееся ко внутреннему совершенству».

В тринадцатилетнем возрасте Ширинский поступил в Морской кадетский корпус, который окончил в 1800 году, получив звание мичмана. Князь участвовал как морской офицер в военных походах на Балтике и Северном море. Среди товарищей он пользовался своеобразным религиозным авторитетом, о котором Стурдза вспоминал: «Все, жившие в то время в корпусе, питали любовь и почтение к Шихматову... Летом, когда Шихматов находился на фрегате, ежегодно отправляемом в Балтийское море, с гардемаринами, для практического изучения морской службы, — наступало ли ненастье и грозила ли судну жестокая буря, — товарищи Сергия, бывало, говорят: „Бояться нечего, св. Сергей с нами”».

В 1804–1827 годах князь занимал место воспитателя в Морском кадетском корпусе, причем отказался от предложенного в 1811 году ему места инспектора в тогда только что созданном Царскосельском лицее. Такова внешняя канва начального периода его жизни.

В 1811 году талантливый молодой человек сблизился с кругом литераторов, борющихся с господствующей тогда галломанией, модой на французские культурные и поведенческие модели, с поборниками самобытной русской культуры, опирающимися на самобытные языковые традиции и православие. Центральными фигурами этого круга, объединенными в «Беседу любителей русского слова», были консерваторы-монархисты твердых православных убеждений, чуждые западноевропейскому мистицизму и масонству, широко распространившимся в то время: адмирал А.С. Шишков, сослуживцем которого по Морскому ученому комитету при Адмиралтействе был князь; знаменитые поэты Г.Р. Державин и И.А. Крылов. Все они высоко ценили творчество С.А. Ширинского-Шихматова, который приобрел славу одного из ведущих русских поэтов того времени, начиная с 1806 года, считали его наследником своих традиций. В поэмах Ширинского преобладали патриотические темы, со

временем в них стали нарастать православно-религиозные мотивы. Он пытался преодолеть границы между светской и духовной литературой. Значение Ширинского как поэта начинает осознаваться в наши дни, его произведения переиздаются, о нем выходят глубокие исследования современных филологов. По определению Православной энциклопедии «Аникита стремился к сближению русской светской культуры с Православием, отводил Православию решающую роль в формировании русского национального самосознания и укреплении российской государственности».

Ширинский-Шихматов занимал своеобразную позицию среди поэтов-«архаистов». Так, он категорически отвергал античную языческую мифологию, характерную для классицизма. Это «бесовщина, в которой, кроме постыдного заблуждения ума человеческого, ничего я не вижу, — заявлял князь на заседаниях „Беседы любителей русского слова”, — у нас есть история библейская, неоспоримо верная и сообразная с здравым рассудком». На нее во все большей степени в своем творчестве он и ориентировался. Последним опубликованным его произведением был «Иисус в Ветхом и Новом заветах, или Ночи у Креста».

Заслуги в области культуры талантливого литератора были отмечены. В 1809 году он был избран действительным членом Императорской Академии наук, а в 1812 году император Александр I, очевидно по ходатайству Шишкова, занимавшего пост государственного секретаря, издал указ о пожаловании пожизненной пенсии Ширинскому за вклад в развитие российской словесности. В 1817 году Ширинский получает большую золотую медаль Российской Академии, врученную как литератору «отличную пользу Российскому слову принесшему». С 1824 года он становится ближайшим сотрудником А.С. Шишкова, который занял пост министра народного просвещения, в Главном управлении училищ при Министерстве народ-

ного просвещения — своего рода мозговым центре министерства.

В начале 1820-х годов князь принял самое активное участие в борьбе православных консерваторов, возглавляемых первоприсутствующим членом Синода, митрополитом Новгородским и Петербургским Серафимом (Глаголевским), фактически вторым лицом в государстве после императора А.А. Аракчеевым и многолетним другом и покровителем Ширинаским адмиралом Шишковым, против сторонников насаждаемого императором «универсального христианства», густо замешенного на западноевропейском мистицизме и масонстве. Ревнители православия резко выступали против деятельности князя Голицына, министра духовных дел и народного просвещения, близкого друга царя, покровителя неправославных течений, Библейского общества, резкого принижения статуса православия, которое в результате нововведений по сути утратило статус государственной религии. Фактически ревнители православия в 1822–1824 годах остановили планируемую сверху религиозную реформу, очередную ломку церкви, вероятно, еще более радикальную, чем учинил в свое время Петр I. В ходе этой борьбы Ширинаский сблизился с архимандритом Фотием (Спасским), настоятелем Юрьева монастыря, одним из самых ярких ревнителей православия того времени, стал его духовным сыном.

При этом Ширинаский, несомненно, входил в элиту «золотого века» русской культуры, ассоциируемой с именами Пушкина, Жуковского, Лермонтова, однако принадлежал к православно-консервативному ее сегменту, и по сей день малоизвестному в силу причин идеологического характера.

Примерно с 1827 года его жизнь радикально меняется. Он отказывается от славы одного из лучших поэтов России, блестящей карьеры, отпускает принадлежавших ему крестьян в вольные хлебопашцы и в начале 1828 года поселяется в Новгородском Юрьевом монастыре. «Шихматову было за сорок лет, ког-

С.А. Ширинаский-Шихматов

да он решился выполнить давнее намерение и вступил на поприще нового послушания и произвольной нищеты... поспешил затвориться в Юрьев монастырь близ Новгорода для трехлетнего искуса».

Подобный поворот в его личной жизни не удивил хорошо знавших его людей. По словам Стурдзы, «давно уже, под одеждою моряка и воина, таилась схима, скрывался Ангельский образ, которым кн. Сергей желал облечься в знак безусловного отречения от почестей, наслаждений и сует житейских!» Так, князь оказывал благодеяния нищим, навещал болящих, посещал заключенных в темницах. Его весьма большие по тем временам жалованье и пенсия — около семи тысяч годовых — шли в основном на дела благотворительности. Он в великие церковные праздники устраивал угощение для нищих, до 40 человек, жертвуя им и деньги.

Думается, мало кто из представителей блестящего «золотого века» был способен на подобное самопожертвование! Еще будучи светским человеком, он отличался высокой степенью аскезы. По свидетельству его брата Платона, пищу принимал один раз в день, мяса не употреблял вовсе, спал 5–6 часов, а во время постов прибегал к сухоядению.

Памятник святителю Митрофану
в Воронеже

Фотий оказал огромное духовное влияние на Ширинского в принятии решения об отказе от светской карьеры ради подвижничества. В 1829 году Ширинский вступил в братство монастыря, а 25 марта 1830 года, преодолевая огромное сопротивление любящих его родных братьев, князь Сергей принял постриг в Юрьевом монастыре под именем Аникиты. Для новопостриженного были характерны крайний аскетизм, молитвенный подвиг и необыкновенное смирение. Жизненная миссия Аникиты напоминала миссию св. Игнатия (Брянчанинова) в среде высшего дворянства в последующие царствования.

Хорошо знавший жизненные обстоятельства Ширинского, Стурдза вспоминал о первых годах его монашеской жизни: «Пожив несколько лет в Юрьеве монастыре иеромонахом, настоятелем отдельной скиты, на острове посреди озера, в непрестанных подвигах и, сверх того, занимаясь сличением и поверкою Славянской библии с Греческим подлинником, Аникита возжелал посе-

тить славнейшие монастыри святой Руси; отправился в Киевопечерскую лавру, колыбель духовного просвещения России, был в твердыне и оплоте царства, основанного св. Сергием. Путешествуя, он достиг до Валаама на Ладожском озере; с назиданием и радостью возвестил братию Соловецкого монастыря».

В 1834 году Аникита отправился в паломничество на Святую Землю, ведя подробные записки о путешествии. Первым пунктом паломничества смиренного богомольца стал Воронеж. «Сотворив в Воронеже молитву над мощами новоявленного угодника Митрофана, иеромонах Аникит направил свой путь в Одессу и, до наступления следующей весны, водворился в монастыре Успенском, построенном на крутом берегу Черного моря».

Он прибыл на Афон в июне 1835 года и поселился в Ильинском скиту, в келье, которую раньше занимал преп. Паисий Величковский. «Монахи и пустынножители Св. Горы Афонской приняли Аникита с невыразимой радостью; им казалось, что в лице его они видят и обнимают всех единоверцев дальнего севера, с которыми некогда имели они столь частые и любвеобильные сношения». При этом Аникита «мог свободно объясняться и беседовать с Греками, нередко священнодействовал на Греческом языке и, к радостному удивлению всех иноков, он являл в себе орудие Промысла, избранное для того, чтобы снова сдружить между собою чада церкви воинствующей! Ему особенно хотелось (это собственные слова его) поучиться у подвижников Афонской Горы монашескому житию».

Игумен и греческая братия Руссика — Пантелеимонова монастыря на Афоне — пригласили Аникиту и русских монахов Ильинского скита в свой монастырь, находящийся в изрядном запустении. Роль Аникиты в восстановлении русского монашества на Афоне была велика. Так, по мнению специалистов, Аникита был «возродителем русского монашества на Афоне в 1830-е годы».

В конце июля 1835 года Аникита выехал в Святую Землю, где «удостоился лобызать следы Богочеловека, и обильное утешение любви принес бедствующим стражам Св. Гроба. И в самом Иерусалиме постигли Аникита тяжкие искушения. Он занемог жестокою лихорадкою, от которой восставила его сила Божия, в терпении совершаемая, как некогда тещу Петрову, без всякой врачебной помощи. Однажды смиренный богомолец наш, после сорокадневного богослужения в храме Воскресения Христова, в день Вознесения, пошел к местоблюстителю патриаршему, митрополиту Аравийскому. Нетрезвый служитель, возбраняя Аникиту вход к иерарху, ударил в лицо святого труженика. Шедший за ним послушник, в порыве негодования, бросился на дерзкого и безумного слугу. Но Аникита остановил его с жаром и, оборотясь к оскорбителю, сказал тихим голосом: “Что ты биеш?” В ту самую минуту, услышав шум, люди выбежали из внутренних келий; архиерей по невыразимому смущению духа повелел наказать виновного, но, по ходатайству Аникита, должен был простить зверского прислужника, защищаемого и без сомнения приведенного в чувство сим избытком всетерпящей хриstopодобной любви!»

В мае 1836 года Аникита вернулся на Афон в Пантелеимонов монастырь, но вместе с русскими монахами был вынужден из-за недовольства греческой братии удалиться в Ильинский скит, где заложил храм свт. Митрофана Воронежского. Таким образом, Аникита способствовал началу вселенскому почитанию Святителя Митрофана.

В августе 1836 года «дошла к нему неожиданная весть: Св. Синод назначил его преемником архимандрита Иринарха при Русском посольстве в Афинах. Больно было душе его прежде времени расставаться со Св. Градом и отжить обратный путь в Афонскую гору, которую он несказанно полюбил, как самое мирное и прекрасное убежище деятельного благочестия. Но глас послушания говорил громче собственной воли, от кото-

рой Аникита давно отрекся; он поспешил в Афины на череду нового служения...»

Жизнь свою Аникита закончил настоятелем церкви при Русской миссии в Афинах. Он «в короткое время стяжал любовь и доверенность всех христиан Афинских. Прожив в столице древней изящности около года, Аникит возчувствовал сильное побуждение возвратиться через Афонскую гору в Россию (вернуться в Юрьев монастырь. — А.М.). Но в совете благости Божией уже положено было уволить навсегда верного слугу Христова и успокоить изнуренного труженика на лоне праведных. Он занемог, и после сильного кровотечения из уст в больном оказались все признаки совершенного истощения всех сил телесных. Народ, жадно внимавший ему до тех пор у алтаря Господня, лишь только сведал о болезни Аникита, толпами бросился ему в келию. С утра до вечера старцы, взрослые, женщины и дети окружали одр страдальца, стоя на коленях. Начальство миссии увидело себя принужденным запретить входящим вход, чтобы уменьшить стечение народа, ко вреду больного. Аникита страдал с такою преданностью воле Божией, что самовидцы последней борьбы его, во все продолжение тяжелой болезни, не слышали из уст его ни одной жалобы, не заметили в больном ни малейшего нетерпеливого движения, не могли уловить ни одного вздоха. Приближенные спросили больного, не хочет ли он написать завещания или письма к родным? Он отвечал: „Какое завещание? Я монах. Братья, сестры и родные мои не здесь, а там, в царстве Отца“. Опять спросили: что располагает он делать с наперсным крестом, пожалованным ему? — „Я уже послал этот крест Гробу Господню!“ Причастившись Св. Тайн, Аникита спокойно предал себя по душе — Христу, а по телу — разрушающей силе смерти. Отрываясь от пелен и уз тления, он часто повторял слова: „Пора в Иерусалим!“ — и с сим желанием в устах душа труженика вероятно стремилась в Иерусалим небесный!..»

7 июня 1837 года Аникита скончался в Архангельском монастыре и был погребен близ Афин. Через несколько лет его останки были перевезены в Ильинский скит и положены в церкви во имя свт. Митрофана Воронежского.

Об Аниките подробно писал в V Письме Святогорец к друзьям своим о Святой Горе Афонской. Образ монаха Аникиты использовал в своих романах Достоевский. Так, филологи пришли к выводу, что его фигура сливается с фигурами Тихона Задонского и Амвросия Оптинского в образе старца Зосимы в «Братьях Карамазовых».

Таковы основные факты биографии этого яркого и незаурядного человека. В создании жития св. Митрофана он принял, скорее всего, определяющее участие. Произошло это во время упомянутого паломничества на Святую землю. По пути он, естественно, посещал все встречающиеся монастыри. 3 июля 1834 года Аникита прибыл в Воронеж, где, как он писал в своих путевых заметках, исполнил «пламеннейшее желание припасть к нетленным целебноносным чудоточным мощам святителя великого, угодника Божия новопреставленного Митрофана». Во время пребывания в Воронеже Аникита принял приглашение архиепископа святителя Антония (Смирницкого), по инициативе которого была осуществлена канонизация св. Митрофана, жить в его доме.

Предоставим слово самому Аниките: «Поспешая совершить предлежащий мне путь во святой град, предполагал я пробыть в Воронеже не более 5 дней, но угодник Божий расположил иначе; и слава ему и благодарение от меня грешного будет вовеки. Вскоре по приезде моем добрый пастырь воронежской церкви просил меня взять послушание на себя богоугоднейшее, а именно — написать вновь житие св. угодника Митрофана с написанного уже неким истинным рабом Божиим, учителем гимназии

Николаем Михайловичем Савостьяновым, собравшим и все нужные к тому бумаги и внесшим в житие святого и потрудившимся трудом немалым в честь и славу угодника Божия. Зная свою немощь, устранился я предложения архипастырского; но твердую имея на чудотворца веру и, в лице святителя Антония; видя его самого, призывающего меня к благодати неизреченной слабым моим словом коснуться великой славы угодника Божия, и уповая на молитвы архиерея Божия, изъявил я ему готовность к исполнению воли его, прося его святых молитв в помощь».

Аникита пишет, что приступил к делу 6 июля и «начал трудиться ревностно, посвящая труду все свободное от общественных во храме молитв время. Чудное явил мне милосердие святой угодник, помогая мне, так сказать, видимым образом, посылая мне бессмысленному мысли, бессловесное слово к изложению святых его исправлений... 12-го числа, при чудной, непонятной помощи угодника, привел я оный к концу, а к 15-му рукопись моя была уже переписана... 15-го числа читал я труд свой святителю Божию и удостоился его одобрения и искреннейшей благодарности...» Итак, с 6 по 12 июля 1834 года Аникита составлял житие Митрофана.

Таким образом, мы имеем вполне достоверные сведения о создании «Жития иже во святых отца нашего Митрофана, в схимонасах Макария, первого епископа Воронежского и новоявленного чудотворца, и сказание об обретении и открытии честных его мощей, и о благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях. Извлечено из актов и донесений, имеющих в Святейшем Синоде», впервые вышедшего в 1838 году и с тех пор многократно переизданного. Стоит отметить, что Акафист св. Митрофану был написан по благословению св. Антония родным братом Аникиты, князем Платоном Александровичем Ширинским-Шихматовым.